

И. Ц. МИРОНОВИЧ,
*преподаватель Ленинградских
духовных академии и семинарии*

О БОГОСЛОВСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА

Богословские воззрения митрополита Никодима, их основное направление и характерные особенности проистекают из всего его жизненного опыта, определяющим моментом которого с юных лет являлось стремление к всецелому посвящению себя служению Православной Церкви Христовой. Он очень рано ощутил в себе Божий призыв к этому служению и ответил на него безусловным послушанием.

Митрополит Никодим родился в 1929 году в Рязанской области и по окончании средней школы учился на факультете естествознания в Рязанском педагогическом институте. В этот период он всё сильнее ощущает желание окончательно связать свою жизнь с Церковью и 19 августа 1947 года, в праздник Преображения Господня, принимает монашеский постриг с именем Никодим. 20 ноября 1949 года он становится иеромонахом и проходит пастырское служение в храмах Ярославской епархии. В 1952 году он был назначен клириком Феодоровского кафедрального собора в Ярославле и одновременно секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского. Параллельно с интенсивной приходской деятельностью будущий митрополит получает богословское образование и в 1955 году заканчивает Ленинградскую духовную академию. В 1959 году за курсовое сочинение «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» он был удостоен звания кандидата богословия.

Главнейшие этапы его последующей церковной деятельности складывались таким образом, что сформировали тот комплекс церковных воззрений митрополита Никодима и его метод при решении насущных церковных проблем, который можно определить как единство богословского умозрения в его православном выражении с практической церковной деятельностью, охватывающей все стороны жизни Церкви в настоящий момент ее бытия.

В 1956 году он назначается членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, затем — заместителем начальника Миссии, а с 25 сентября 1957 года возглавляет Миссию и возводится в сан архимандрита. После иерусалимского периода служения он становится в марте 1959 года заведующим канцелярией Московской Патриархии, а с 4 июня того же года назначается заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений.

В 1960 году архимандрит Никодим был назначен председателем ОВЦС и хиротонисан во епископа. Епископское служение он проходил в Ярославской, Минской и Ленинградской епархиях. Церковная деятельность митрополита Никодима не ограничивалась епархиальными делами. Он был последовательно членом Комиссии Священного Синода по межхристианским связям, председателем Издательского отдела Московского Патриархата, председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды», постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви и председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. В сентябре

1974 года он был назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы. С 1961 по 1975 год состоял членом Центрального и Исполнительного комитетов Всемирного Совета Церквей, а на V Ассамблее ВСЦ в Найроби был избран одним из президентов ВСЦ.

Со времени I Всехристианского Мирного Конгресса в 1961 году митрополит Никодим был непререваемым членом Рабочего комитета Христианской Мирной Конференции и с 1971 по 1978 год возглавлял ХМК в качестве президента.

Этот послужной список митрополита Никодима не отражает всей его церковно-богословской деятельности, но иллюстрирует характер ее направленности, ее специфику. О митрополите Никодиме нельзя говорить только как о богослове в общепринятом смысле этого слова. По своему характеру и складу ума, даже по своим личным богословским интересам в области литургического богословия, по любви к истовому совершению богослужений Православной Церкви митрополит Никодим не мог быть отвлеченным и замкнутым богословом.

О нем следует говорить как о выдающемся иерархе современности, энергичном экуменическом и миротворческом деятеле, который отдавал силы свои и талант богословскому осмыслению и практическому решению проблем, стоящих перед Церковью в настоящий момент. Митрополит Никодим прекрасно сознавал, что достижение христианского единства сопряжено с громадными трудностями, что это — дело, требующее напряженнейшей работы. И он совершал его до последнего мгновения своей жизни, являя всему христианскому миру пример иерарха-труженика, который видел свое назначение в том, чтобы приблизить желанное время единства церковного.

Ясный и проникновенный богословский анализ различных аспектов бытия Церкви не был для митрополита Никодима самоцелью. Он совершался им во имя евангельского делания и приносил многих плод. Все выступления митрополита Никодима, его доклады и статьи наглядно отображают это богословское восприятие им действительности. В его творческом наследии не только отражается его внутреннее понимание задач, стоящих перед Православием на текущий момент, но предвосхищаются многие идеи, осуществление которых своим результатом будет иметь торжество единства всех христиан.

В творческом наследии митрополита Никодима как богослова-исследователя поражает не только диапазон его богословских интересов и широта взгляда на ключевые проблемы при продолжающейся конфессиональной разделенности, но вместе с тем и неуклонная приверженность истине: «Как православный христианин и православный епископ я, естественно, критерием такой неискаженности считаю и исповедую безусловную верность как Священному Писанию, так и Священному Преданию древней неразделенной Церкви... Каждый православный не может не обращаться к этому исповеданию снова и снова, ибо он придает ему решающее значение в деле веры и не может не сказать хорошо известные слова: «иначе не могу, и на том стою!»¹.

Богословствование, по мысли митрополита Никодима, никогда не должно отрываться от незыблемой почвы, каковой является Божественное Откровение в его святоотеческом понимании, свободном от нездорового модернизма и некоторых опасных по своим следствиям тенденций, и потому изучение патристического наследия необходимо для глубокого и правильного понимания основ христианского мировоззрения. Именно таким характером богословствования отмечены исследования митрополита Никодима по вопросам искупления и спасения в Церкви, назначения человека и сущности грехопадения, учения о свободе и благодати, обсуждение таких тем, как Евхаристия и священство, Крест и воскресение, Евхаристия и экклезиология, Бог и человек, Предание и догмат Воплощения, воссоздание мира и его конечные судьбы.

Митрополит Никодим постоянно делал акцент на том, что в основе богословствования должен лежать принцип, соответствующий той великой цели, в какой оно только и может найти свое оправдание, а именно — служить спасению человека. «Богословскую науку, — говорит он, — нужно рассматривать как средство выяснения и утверждения веры. При этом необходима связь богословия с жизнью, которая удерживает умозрение от удаления в бесполезную для дела спасения область отвлеченных рассуждений. Я не хочу сказать, что это исключает возможность мыслить абстрактными категориями. Нет. Абстрактное мышление — необходимая форма научного мышления вообще, в том числе и богословского. Вопрос заключается в одном: может ли результат такого мышления принести пользу делу Божию или нет? Как показывает история, опасность развития нецерковного, а потому и неспасительного богословия возрастает тогда, когда люди пытаются оторвать «небо» от «земли», или «землю» от «неба». Нередко отвлеченное мышление в этой области теряет связь с Божественным Откровением, дает простор человеческому воображению, а в крайних случаях и фантазии»². Это заявление митрополита Никодима является основополагающим, ему он неуклонно следовал в своих богословских изысканиях; это его завет современным богословам.

Историческая ретроспектива богословского развития, по убеждению митрополита Никодима, в лице его лучших представителей — святых отцов и учителей вселенской Церкви — свидетельствует, что они в своих суждениях исходили из принципа единства богословия и жизни, почему оно и могло служить нуждам Церкви. Их не смущало постоянное обновление богословской мысли, поскольку она не отрывалась от Апостольского Предания, основанного, в свою очередь, на Божественном Откровении, плодом чего и явилась стройная вероучительная система, выраженная в категориях языка, который как бы утратил признак времени и является современным для каждого поколения.

Рассудочное богословие средневековья, продолжает митрополит Никодим, было по форме и духу схоластическим, поскольку многие богословы того времени игнорировали апостольский и святоотеческий принцип единства богословия и жизни, но и в тот период были богословы, которые своим творчеством создали основы подлинного богословия, возрождавшего сокровища святоотеческой мысли.

С эпохи Реформации методологическим принципом в богословии стал принцип свободного толкования Писания в отрыве от Апостольского и Церковного Предания, и вновь возникло забвение великой истины единства богословия и жизни, в результате чего возникший рационализм подготовил почву для появления деистической философии, и в сознании многих, в конце концов, христианство и его вероучение было поставлено под сомнение.

Так было всегда, когда нарушался этот основополагающий принцип единства. А потому, развивает далее свою мысль митрополит Никодим, дабы не повторять тяжелые уроки прошлого, каждый богослов, чтобы быть творчески плодотворным, должен сознавать свою причастность к Церкви со всем богатством ее многовекового опыта. Отсюда становится очевидной актуальность на сегодняшний день богословских исследований в области экклезиологии, особенно таких ее аспектов, как католичность и экуменизм. Для богословия, призванного осмысливать современность, темами величайшей важности являются проблемы войны и мира, поскольку ответственность за развязывание новой войны нельзя возлагать на отдельные личности, ибо война является грехом всего общества.

Истинное богословие, по мнению митрополита Никодима, невозможно без внутреннего духовного опыта, который появляется в результате стремления к нравственному совершенству и богоуподоблению, и потому евангельский образ Божественного Основателя христианской религии —

Господа Иисуса Христа должен быть для каждого богослова исходным и завершающим началом в деле личного духовного совершенствования. В отрыве от Церкви и без внутреннего духовного опыта своих представителей богословие обречено на постоянную зависимость от мировоззрения отдельных людей. Оно уже перестает быть выразителем вселенской истины и не служит делу спасения людей.

Всё сказанное доселе характеризует понимание митрополитом Никодимом богословия как науки вообще, отражает его представления о методологии богословия, применение которой своим результатом имеет появление богословских исследований, предлагающих современному верующему человеку, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, разрешение волнующих его проблем и вопросов. Но у митрополита Никодима были также свои личные богословские интересы, привязанности, если можно так выразиться, к любимым темам, богословскому раскрытию которых он посвящал свободное от церковно-общественных занятий время, если таковое находилось. К таким темам можно отнести его богословские размышления о тайне Воплощения Бога Слова, о спасительных Крестных страданиях и величайшем торжестве веры — преславном Воскресении Христа. Богословскую мысль митрополита Никодима как известного экуменического деятеля привлекала тема Церкви как Царства Божия на земле и величайшего дара Божественной любви к ней — Святой Евхаристии. Тема воссоздания павшего человека и обновления мира также нашла отражение в его богословском наследии. Конечно, это далеко не полный перечень тем, привлекавших особое внимание его, но в них с наибольшей полнотой раскрылась его личность как богослова.

«В основе всего богословствования, — говорит митрополит Никодим в Слове, посвященном 30-летию Ленинградской духовной академии, — лежит пришествие в мир Богочеловека. Только Господь Иисус Христос, воплотившийся Сын Божий, передал людям полное учение об истинном Боге. «...Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27), то есть только Сын открывает людям неизреченные тайны Божественной жизни. Следовательно, богословие должно служить посредником между богооткровенным учением и человеческим разумом. А конкретнее, богословская наука должна раскрывать и утверждать в сознании верующих Богочеловеческий образ Христа, как источник спасения всего мира, как основание настоящей и будущей жизни»³. Некоторые склонны считать, отмечает Владыка Никодим, что догмат Боговоплощения принадлежит всецело к области высших религиозных созерцаний, не имеющих ничего общего с реальной жизнью. Однако христианские догматы не являются теоретическими построениями отвлеченного богословского мышления, лишёнными нравственного смысла и значения. Догмат Боговоплощения, в частности, существенным образом определяет христианскую жизнь и деятельность, в которой проявляются наши отношения к людям и миру. Явившись среди людей, Сын Божий принял участие во всем человеческом, прошел через все состояния человеческой жизни, кроме греха, чтобы всё освятить в Себе соединением с человеческим естеством. Бог в лице Единородного Сына Божия становится носителем всего человечества, которое в Нем очищается и возвышается. Конечное и бесконечное во Христе разрешается в полную гармонию, так что в Нем мы видим пример утверждения жизни через внесение в нее высшего содержания и смысла, пример преодоления греховности мира и победы над ней через улучшение и преображение мира. Христианская эсхатология утверждает не уничтожение рода человеческого и материального, вещественного мира, а их преображение, ибо Сам всемогущий Творец бытия приобщился к видимому миру через Свое воплощение и возводит его к новому совершенству.

В непосредственную связь с догматом Боговоплощения митрополит Никодим поставлял Богопознание. До пришествия Бога в мир оно отличалось несовершенством даже у величайших библейских пророков. Прежде всего, Боговоплощение, составляющее в своей сущности «великую благочестия тайну» (1 Тим. 3, 16), послужило раскрытию бытия непостижимого Триипостасного Божества. Духовные прозрения библейских праотцев и пророков вершиной своей имели представление о Боге как надмирной и превечной Премудрости Божией, Которая сохраняет мир и управляет им, вызвав его из небытия. Ветхозаветное человечество не знало Бога, Троичного в Лицах, и только благодаря Воплощению Христа человек был привлечен в немеркнувшее сияние Пресвятой Троицы. Через него человечество осознало тайну внутренней жизни Божества как единосущия Трех Ипостасей, в Которых Бог пребывает всей полнотой Своего Существа.

Но это, так сказать, метафизическая сторона акта Боговоплощения, и как ни прекрасна и значительна она сама по себе, полнота его обнаруживается, по мысли митрополита Никодима, в его спасительных следствиях, прежде всего, для человеческого рода.

Если бы воплотившийся Сын Божий принес людям только одно углубленное познание о Боге без реального искупления и воссоздания падшего человеческого рода, если бы Он Своей смертью не преодолел нашего отчуждения от Бога, то одно истинное знание не устранило бы состояния духовной гибели и отчуждения от Бога, в каком пребывал человек после грехопадения. В Боговоплощении митрополит Никодим видит не только откровение внутренней тайны Божества, но и решающее событие в домостроительстве нашего спасения: восстановление утраченного человеком богообщения, напоминание забвенной им истины, что он не просто обитатель Земли, что все люди — род Божий (Деян. 17, 29). Две другие великие темы — Крест и Воскресение — привлекали не меньшее внимание митрополита Никодима. Он рассматривал их в единстве с темой Боговоплощения, как акты, вызвавшие к бытию всеобъемлющий Богочеловеческий организм Церкви. «Подобно тому, — писал он, — как воспринятая Божественным Словом человеческая природа, соединенная с Его Божеством, нерасторжимо служила Ему живым орудием спасения людей, так и организм Церкви Христовой служит духу Его, Который неотлучно пребывает в ней и оживляет ее членов для возрастания всего Тела» (Еф. 4, 16)⁴. Митрополит Никодим подчеркивал, что Крест и Воскресение в онтологической сущности — тоже великая тайна Божественного домостроительства, глубины которой не может постигнуть богословское размышление и уяснить которую не в состоянии никакие земные подобия; однако, как духовные реальности, они постоянно переживаются в историческом опыте Церкви, обуславливают самое ее бытие и потому должны быть предметом богословской мысли и ведения. Митрополит Никодим говорит о Крестных страданиях Господа и Его Воскресении как о «двуединном откровении торжествующей славы Божией, несокрушимом основании нашего спасения, источнике радости о грядущей вечной жизни со Христом в Боге»⁵. Это дивное сочетание Креста и Воскресения, каким завершилось общественное служение воплощенного Бога Слова, построено на духовных антитезах, когда смерть источает бессмертие, символ ужаса становится знаменем радости, поражение обращается в победу.

Если Бог в воплощении принял в единство Своей Ипостаси подлинную человеческую природу, то в Воскресении Он обожил ее, поскольку обожение невозможно без подлинной победы над смертью. Именно богочеловеческий характер Воскресения Христа делает его источником общего воскресения, придает ему силу всеобщего антропологического закона. Он не является наглядным в настоящее время, поскольку все люди проходят через смерть, но в грядущем Царстве славы Божией, в предощущении которого живет Церковь, этот закон — очевидность.

Здесь мы подходим к пункту, который вводит нас в самую суть понимания митрополитом Никодимом пути, по какому должно следовать в своем развитии богословие, чтобы быть жизненным. Оно должно рождаться в лоне Матери-Церкви, питаться ее соками и свидетельствовать спасительную истину Христову таким образом, чтобы приводить желающих найти истину к Самому Источнику истины и всякого познания. Церковь, отмечает митрополит Никодим, как Богочеловеческая сущность, как таинственное Тело Христова, является Царством благодати, в котором во всей полноте проявляется освящающее действие Святого Духа. «И хотя далеко не все люди, — продолжает он развивать свою мысль, — активно и сознательно пребывают в Церкви, она пребывает во всех любовью Христовой, ибо эта любовь не ограничивается какой-либо частью человечества, а распространяется на всех людей (Ин. 1, 9). Как Спаситель пришел в мир не для Себя, но чтобы послужить миру, так и Церковь живет не для себя, а для мира. Она состраждет миру, объемлет его своей любовью и, соприкасаясь с его грехами, сама остается святой и делает всё, чтобы искоренить их»⁶.

Поэтому из Церкви или от имени Церкви, как Царства Божия на земле, должно исходить учение, в котором бы люди узнавали голос Самого Пастыреначальника Церкви и шли на него, и потому всякое иное слово о Боге, каким бы привлекательным оно ни казалось, не может претендовать на выражение благовестия Христова. Таким образом, церковность богословия и его библейский характер являются признаками истинного богословия. Можно сказать, что митрополит Никодим критерий истинности богословской мысли видел исключительно в ее церковности, как исходном средоточии, поскольку за пределами спасительной ограды Церкви возникают учения, производящие разделения и слабозны (Рим. 16, 17), а их основатели «служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» (Рим. 16, 18).

Каждый раз, когда митрополит Никодим касался темы Церкви, он рассматривал и вопрос личной ответственности человека как ее члена и носителя вселенской истины, потому что Бог не без цели открывает людям Свои тайны, а привлекает их к соучастию в созидании благодатного Царства Божия на земле. Само Божественное Откровение, хранимое Церковью, по его мысли, является не только знаком Божественной любви и источником духовного обогащения человеческой жизни, поскольку несет свидетельство о Боге и спасении чрез Иисуса Христа, но и налагает величайшую ответственность за такое познание. Богословский аспект этой ответственности при настоящем конфессиональном разделении митрополит Никодим усматривал прежде всего в искреннем стремлении богословов выявить причины печальных разделений церковных.

Что необходимо для этого? «Нужно, — писал он, — излагать события и факты, послужившие в свое время причиной разделения Церквей, объективно, без полемического задора, который нередко несет на себе печать греха, чтобы иметь подлинную историческую картину той эпохи, когда произошли церковные разделения. При этом следует, как кажется, выявлять общность догматического учения восточных и западных отцов Церкви до периода разделения и словесные различия при единых основах веры, кроме имеющих различий. Следует также указывать на православные элементы в западной теологии Средних веков и нового времени. Необходимо понять западные исповедания и дать им оценку с позиции истинного Православия того времени...»⁷ Митрополит Никодим указывал также, что необходимо принимать во внимание и специфику восточного и западного богословского метода в исследовании и изложении догматических истин, а не противопоставлять одно богословие другому. Братский диалог, осознание каждой стороной своей вины, а не ложный компромисс должен лежать в основе богословских устремлений к вероисповедному

единству. И поскольку самой эффективной формой сохранения Церковью своего учения является Предание, эта живая память Церкви, чрез него и должно проходить опознание и преодоление крайностей конфессионализма. Являясь священным наследием Древней Церкви, которое нельзя рассматривать просто как памятник старины, Предание, говорит митрополит Никодим, в то же время есть и вечно живой импульс духовного созидания, постоянно действующая в Церкви реальная сила, соединяющая прошлое с настоящим и определяющая каждый исторический момент ее бытия, и если христианская община теряет органическую связь с многовековым духовным опытом, она лишается основ для своего бытия в будущем.

Одним из проявлений Предания в жизни Церкви являются таинства, в ссбенности Святая Евхаристия. И, характеризуя Владыку Никодима как богослова, нельзя не отобразить, прежде всего, некоторые его мысли в области евхаристического богословия. Он называл Евхаристию «Таинством Божественной любви», которое, «органически продолжая Господне домостроительство, выразившееся в сотворении мира и воплощении Сына Божия, а в Нем и через Него — в воссоздании творения, питает всех принадлежащих Телу церковному, объединяет их и обновляет духовно и физически»⁸. Соединяя в себе литургический опыт и основные истины христианского вероучения, Евхаристия, как таинство жизни Церкви, помогает глубже понимать сущность Церкви. Евхаристическая Жертва всеобъемлюща и вечна, ибо не ограничивается пределами пространства и времени. Взгляд на Евхаристию как жертву неотъемлемо присущ православному сознанию. Эти основные тезисы митрополит Никодим постоянно развивал в своих докладах и богословских собеседованиях, отмечая, что внутреннее богатство Святой Евхаристии неисчерпаемо. Однако он указывал, что Евхаристия при наличии вероучительных расхождений не может быть средоточием межконфессионального общения и единства, и потому со всей серьезностью и ответственностью необходимо, прежде всего, стремиться к взаимопониманию и единству в области вероучительной. Евхаристическое единение верующего со Христом столь совершенно, отмечал Владыка, что Сам Спаситель сравнивал его с единением Отца и Сына во Святой Троице (Ин. 6, 57). Как таинство совершенной любви, Евхаристия устраняет свойственное людям стремление к себялюбию и обособленности, открывает возможность безграничного проникновения жизнью во Христе, поскольку в этом святейшем таинстве Христос претворяет верующих в членов Богочеловеческого организма Своего Тела — Святой Церкви.

Богословское мышление митрополита Никодима пронизывает чувство пасхальной радости, постоянное переживание победного торжества над грехом и смертью, которые были чужды нашей богосозданной природе. И хотя грехопадение первых людей оказалось губительным для всего мироздания, оно не угасило неиссякаемой любви Бога к Своему созданию, не изменило Его пречечного Совета. Когда на Голгофе, казалось, была окончательно попорна справедливость и уничтожена надежда на избавление от греха и смерти, там же навеки утвердилось бессмертие и пришло освобождение. «Если бы наш Господь, — писал митрополит Никодим, — был только идеально святым человеком, Сыном Божиим по благодати, а не по существу, Его Воскресение было бы просто чудом, говорившим об исключительной милости Бога, но никоим образом не влияло бы на судьбы всего человечества»⁹. Но Он был Богочеловек, и Своим самовластным Воскресением Он изменил печальную участь людей, не только совоскресив их с Собой, но и даровав им предощущение нескончаемой жизни в вечности. Сущность Воскресения Христова митрополит Никодим видел в возвращении человеку блаженного бессмертия, в примирении его с Творцом, в восстановлении гармонии всего творения и, в конечном итоге, в обожении человеческой природы, поскольку в лице Воскресшего Спасите-

ля она становится не только прославленной, но и возносится на небо и таинственно вводится в лоно жизни Троицы Божьей. Вне зависимости от того, отмечал Владыка, насколько полно и глубоко понимаем мы значение Воскресения Христова, все мы, сознательно или подсознательно, чувствуем близость к нам Бога, уверенность в окончательной победе света и правды над тьмой и злом. Оптимизм христианского мировоззрения, его неотразимая сила влияния на человеческое сердце проистекает из преславной тайны Воскресения.

Богословские чаяния митрополита Никодима, как экуменического деятеля, были направлены на приближение христианского единства, на разъяснение греха разделения, как болезненного явления для всего тела Церкви Христовой. «Единство Церкви, — указывал он, — действительно является даром Божиим, однако лишь в том совершенно определенном смысле, что существует и будет до скончания века существовать объективная Божественная основа церковного единства во Христе, то есть возможность находиться в теснейшем общении со Христом посредством веры и участия в сакраментальной жизни, и особенно в истинной Евхаристии, при условии, однако, всецелого послушания полноте Божественного Откровения. Эта объективная сторона не обеспечивает сама по себе, независимо от нашего послушания или непослушания Божественному Откровению, наличия полного и существенного единства в любой части христианского братства. Только Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, как внутренне целостная и неповрежденная основа Тела Христова, является действительной обладательницей истинного и совершенного единства, в силу ее послушания голосу Божественной Истины. За ее пределами существенное единство может утрачиваться в большей или меньшей степени, становиться неполным или даже стоять на грани полного исчезновения. Распространение полного и совершенного единства на область всей экумены может совершаться не путем простого «выявления» или «видимого выражения» единства, а исключительно путем воссоздания нарушенного единства, путем возвращения к полному послушанию Истине, которое и откроет возможность к отождествлению границ всего христианского братства с границами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви»¹⁰.

С первых дней христианства и доньше, отмечает митрополит Никодим, в действиях многих христиан проявляется поразительное и упорное противление воле Божьей, направленное к нарушению церковного единства. Чем вызвано такое противление, когда в Воплотившемся Слове Божием нам открыт источник благодати и истины (Ин. 1, 17) и «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5)? Митрополит Никодим указывает, что первой причиной нарушения церковного единства было непослушание истине как следствие греховного образа мышления. Человек, не укрепившийся в духовной жизни, легко уклоняется «от простоты во Христе» (2 Кор. 11, 3) и, как правило, терпит «кораблекрушение в вере». Непослушание его доходит до прямого неповиновения авторитету Церкви. Второй причиной нарушения церковного единства был недостаток любви, грех против истинного братолюбия, при котором любое естественное расхождение во мнениях нарушает процесс развития духовной жизни. Главнейшим способом лечения болезней христианского разделения, указывает митрополит Никодим, является стремление к такой любви к людям во Христе, на какую указывает апостол Павел: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (Рим. 9, 3). Большое значение имеет также богословский диалог, который должен своим результатом иметь возвращение к догматическому учению древней неразделенной Церкви. Все без исключения Церкви в интересах достижения вероисповедного единства должны иметь мужество исправить свои ошибки, если будет доказано, что та или иная Церковь сошла с догматической почвы древней неразделенной Церкви. Все Церкви должны

быть также готовы к объективной проверке и оценке своих символических книг и укоренившихся представлений с тем, чтобы несомненные догматы отличить от богословских мнений, хотя бы даже и весьма благочестивых.

При обсуждении и этой трудной проблемы сказывается особенность богословского мышления митрополита Никодима, которому была, при всей его приверженности к истине Православия, присуща одновременно и необычайная широта понимания самого факта разделений церковных. «Мы признаём свою Святую Церковь наиболее истинной. Но не должен ли каждый из нас помнить и ясно сознавать, что истина, которой мы обладаем, или, лучше сказать, которая обладает нами, досталась нам не в результате какой-либо нашей заслуги и принадлежит не столько нам, сколько нашим братьям, нашим близким, которые ее не знают или не вполне знают, но которые могут познать ее через посредство нашего смиренного и самоотверженного служения им? Разве не должны мы сознавать, что та частичная истина, которой владеют христиане других исповеданий, имеет огромное значение для всего христианства в целом? Точно так же, признавая истинным священство только своей Святой Церкви, имеем ли мы какое-либо моральное право признавать ничтожными иные способы и средства хотя бы частичного облагодатствования, находящиеся в распоряжении других христианских обществ, такие, как всеобщее священство, о котором говорит святой апостол Петр (1 Петр. 2, 5, 9), основанное на личном благочестии общение со Христом и т. п.? Разве можно забывать о том, что «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3, 8)?.. Не должны ли мы принять в расчет то обстоятельство, что исторические пути Церкви Христовой находятся под неусыпным Промыслительным воздействием Божиим?.. И кто решился бы категорически утверждать, что в различных путях, которыми Господь попустил идти христианам разных конфессий, есть только один грех и противление воле Божией? Не должны ли мы скорее думать, что помимо несомненного греха, с провиденциальной точки зрения, в этом хождении различным путем до времени заключено и некоторое благо, которое откроется в свое время, по окончании разделений?»¹¹ Эти воззрения Владыки Никодима можно назвать богословским базисом при решении вопросов в области межконфессиональных отношений. Предвосхищая многие богословские проблемы и творчески разрабатывая их, митрополит Никодим являет в своем лице пример епископа-богослова, который служил делу единства церковного в ответственной момент бытия Церкви Христовой, когда все члены ее начинают всё глубже сознавать грех разделения и в поисках пути к единству и духовному обновлению видят смысл своего призвания и служения.

В краткой статье невозможно дать всесторонний обзор богословского творчества митрополита Никодима. Необходимо время и тщательное изучение трудов этого выдающегося архипастыря. Однако и сейчас мы можем сказать о нем как о человеке, замечательный талант которого, неистощимое трудолюбие, живая вера и преданность заветам христианского единства были подчинены единой великой цели — служению истине Христовой даже до смерти. Истина воспринималась им как единая безусловная ценность на земле, как высочайшее откровение, данное людям воплотившимся Сыном Божиим, как дар любви Бога к Своему творению, которое Он вызвал к бытию, освятил и искупил Крестной жертвой.

Митрополит Никодим свидетельствовал свое православие, в котором был воспитан, но, как добрый пастырь, с пониманием и любовью относился к людям иных взглядов и убеждений. Для него не было чужих овец, и в этом плане он воспринимал всякого человека, прежде всего, как носителя образа Божия. Есть только разделенные братья, которые, как члены единого тела, страдают от своего разделения. Являясь носителем сана епископского, занимая выдающееся положение в Церкви, разрабатывая богословские основы христианского единства и миротворчества, митропо-

лит Никодим являл собой пример, достойный подражания. Его вклад в дело богословского развития и практического созидания христианского единства оценит история, поскольку великие идеи братства и единства во Христе находят понимание у всех христиан мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима 21 апреля 1975 г. на встрече в ЛДА между делегатами от Церкви — членами ВСЦ из СССР и представителями ВСЦ. «ЖМП», 1975, № 7, с. 39—40.

² Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. II. Л., 1974, с. 306.

³ «ЖМП», 1977, № 3, с. 12.

⁴ Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. I, с. 196—197.

⁵ Там же, с. 55—56.

⁶ Там же, т. III, с. 173.

⁷ «ЖМП», 1977, № 3, с. 14.

⁸ Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. I, с. 108.

⁹ Там же, с. 114.

¹⁰ Там же, т. III, с. 161.

¹¹ Там же, т. IV, с. 137—138.